

В.В. Шульгин

«Эмиграция» Фрагменты воспоминаний

Константинополь

«1920 год» заканчивается будто бы бодрым, а на самом деле печальным возгласом: «Привет тебе, 1921-й год!». Я встретил его в Константинополе, на борту парохода, который только что доставил меня из Галлиполи, порта на Мраморном море, в котором я безуспешно искал своего без вести исчезнувшего сына.

С парохода на берег, то есть в Галату, доставил меня лодочник, «кардаш». Ну, а затем? Куда деваться? Кто-то из русских, толпившихся тут, сказал мне, что надо идти из Галаты, то есть порта, на главную улицу Перá. Там находится русское посольство и мне выдадут необходимые справки.

Проходя через Галату, я увидел целый ряд каких-то будочек по обе стороны улицы. С виду это были как бы фруктовые ларьки. На самом деле там продавалось нечто вроде яблочек, но живых. Это были проститутки, нарумяненные как яблочки, сидевшие на каких-то нарах, покрытых коврами, и заманивавшие клиентов.

Пройдя этот своеобразный фруктовый ряд, я немного устал и был голоден. Зашел в кофейню. Пока мне принесли кофе, я любовался танцами. Матрос с проституткой танцевали фокстрот. Мне вспомнилось, как один старый еврей, увидевший впервые такого рода упражнения, выразился: «Так это называется фокстрот? Раньше это иначе называлось».

После этого я решил, что достаточно ознакомился с Галатой и больше я уже туда не возвращался. Я пошел на улицу Перá, по дороге съевши превкусный горячий, истинно турецкий бублик. Проглотив его, я вскоре очутился у русского посольства, где толпилось огромное количество русских. Мужчин нетрудно было узнавать по их истрепанным шинелям. А дамы бросались в глаза, потому что у всех, как у одной, на голове было то, что называлось тогда «чулочки», разных цветов. Этим они прикрывали неприличие непричесанных волос, потому что для завивки у них денег не было. Один из «чулочков» меня немедленно узнал.

– Вы?!

– Я, дорогая Зина. Я только что из Галлиполи.

– Нашли Лялю?

– Нет.

– Вот что, тут есть гадалка. Она всем находит пропавших. Ее зовут Анжели-на.¹ Пойдите к ней. Я сейчас нарисую, как пройти.

«Нарисую» она сказала потому, что в Константинополе не было обозначения улиц и номеров домов. Поэтому рисовался чертеж и отправным пунктом служила улица Перá.

Я сказал:

– Да, я пойду. Но...

Она поняла:

– Вот вам лира.

Лира – это была тогдашняя денежная единица, довольно крупная. Я взял лиру ничуть не стесняясь. Зина была из «Азбуки»², конспиративной организации, которую возглавлял я. У нас было все общее.

Потом Зина зачастила, как будто боялась, что не успеет все сказать:

– Конечно, вам некуда деться. Вы будете жить у нас. Я живу у Петра Титыча...³

Это был полковник, который тоже был моим подчиненным по «Азбуке».

... и там еще живет Муся Седельникова. Вы ее знаете, конечно?

– Этим летом познакомились на острове Тендере. А где же вы живете?

– На улице, которая называется Кошка–дере.

– Что же это за улица?

– Да тут, в Константинополе, множество улиц называются «дере», а так как на нашей улице неизмеримое количество кошек, то мы так ее и назвали. В пятом этаже, деревянная лестница. В случае пожара погибнут все. Пока пожара нет, но все же опасайтесь. Перил местами нехватает, а в других местах нет и ступеней. В темноте не рекомендуется возвращаться. Вот вам схема, как пройти на Кошку–дере...

¹ САККО Анжелина Васильевна. Ясновидящая и теософ, практиковала в С.-Петербурге, где с ней впервые познакомился В.В.Шульгин. Во время исхода белых из Крыма в 1920 эмигрировала в Турцию, впоследствии жила в Париже.

² «Азбука» – разведывательно-осведомительная конспиративная организация, созданная в декабре 1917 года В.В.Шульгиным. Занималась переброской офицеров в Добровольческую армию на Дону, борющуюся с большевиками, а также сбором информации для командования Добровольческой армии, московских подпольных антибольшевистских организаций, миссий союзников, лиц императорской фамилии.

³ САМОХВАЛОВ Петр Титович (1869– ?), происходил из крестьянской семьи, кадровый офицер (1894), в 1904 прикомандирован к Отдельному Корпусу Жандармов, начальник Отделения по сохранению порядка и общественной безопасности в Варшаве (1915), полковник. Член организации «Азбука» с 1.4.1918 (помощник начальника организации; шифр «Око»). В 1920 занимал должность начальника армейской контрразведки в Русской армии генерала П.Н.Врангеля

Я поселился на Кошка–дере у Петра Титыча, Зины⁴ и Муси Седельниковой. Но комната у меня была отдельная, в том же этаже. Я взял ее у некоей гитаны и платил ей пол-лиры в сутки. За четыре постели, деревянные, без матрацев и подушек. Четыре, потому что я взял к себе еще трех человек: Виридарского⁵ («Максими́ча» по «Азбуке») и двух братьев Лазаревских, Владимира⁶ и Евгения.⁷

Характерным для этого периода был голод. Мы четверо сильно голодали. Так что в один прекрасный день я лег на свою койку и сказал:

– Лежа я проживу дольше.

Кроме того, моим друзьям (есть же у меня какие-то друзья!) дешевле будет мне помочь, чем меня похоронить. Я не ошибся. Помощь пришла через некоторое время. Но пока что Максимыч и братья Лазаревские каждое утро отправлялись на промысел и что-нибудь добывали от американцев, которые широко благотворительствовали в Константинополе. Они давали какао и сахар, позже и обеды, но очень жалкие. Получив, что можно, и взяв примус у Петра Титыча, мы варили какао и всем приходившим к нам, а их было достаточно. Младший Лазаревский, служивший в гвардейской артиллерии, с неизменной любезностью предлагал:

– Разрешите вам чашечку какао.

При этом иногда появлялся белый хлеб. И все были сыты...

Несмотря на бедность и голод, мы жили весело. Была гитара и в комнате Петра Титыча, которая была довольно большой, она звучала:

Помнишь ли ты тот напев неги полный,
Что врывался, что ворвался
К нам в окошко в час ночной.
Ах, то был вальс и весны дуновенье,
Шелест листьев и в сирени
Сладкий рокот соловья...

⁴ СЕДЕЛЬНИКОВА Зинаида Ивановна, жена Седельникова Владимира Дмитриевича, брата 2-й жены В.В.Шульгина; в 1-м браке была за полковником В.П.Барцевичем.

⁵ ВИРИДАРСКИЙ Петр Максимович, горный инженер, штабс-капитан инженерных войск, подполковник (1920), с 1.12.1917 член организации «Азбука» (начальник особого отдела; шифр «Паж»).

⁶ ЛАЗАРЕВСКИЙ Владимир Александрович, друг В.В.Шульгина, сотрудник газеты «Киевлянин», участник 1-й мировой (поручик инженерных войск) и Гражданской войн, участвовал в антибольшевистском подполье, член организации «Азбука» (сотрудник в Киеве).

⁷ ЛАЗАРЕВСКИЙ Евгений Александрович (погиб в 1923), брат предыдущего, штабс-капитан, участник 1-й мировой и Гражданской войн, входил в ближайшее окружение В.В.Шульгина.

А пока что дни шли. Пришла и материальная помощь. Тут надо объяснить, что Петр Николаевич Врангель находился в это время в Константинополе. Врангелевская эвакуация из Крыма в противоположность деникинской из Новороссийска прошла очень удачно. Сто один вымпел вышел из Севастополя до крайности перегруженным, но благодаря прекрасной погоде все дошли благополучно.

Сам Врангель жил сначала в помещении нашего посольства, а потом переехал на яхту «Лукулл», которая стояла в Босфоре на якоре у берега. Но в один прекрасный день большой итальянский пароход, сойдя с фарватера, навалился на «Лукулл» и потопил его. Всем удалось спастись. Погиб только один мичман, жена которого упростила его нырнуть и достать с утопленной яхты какие-то ее вещи. Он нырнул и погиб. Но до гибели «Лукулла» у Петра Николаевича происходили заседания руководящих слоев эмиграции. Там обсуждался вопрос о будущей организации эмиграции и намечались ячейки под названием «колоний».

Моя память сохранила картину этих заседаний. Врангель председательствовал, причем он не сидел спокойно, как подобает председателю. Он закидывал свой стул, на котором сидел, на задних ножках так, что каждую минуту можно было ожидать, что он перевернется. Но он не переворачивался, а наоборот, сохранял равновесие в политическом смысле, то есть держал какую-то среднюю линию. Я же сидел спокойно на стуле, но проповедовал какие-то крайности и решительно не могу сейчас вспомнить, в чем они состояли. Но помню это врангелевское хладнокровие, которое он как-то соединял с большим темпераментом. В моем уме тогда уже образовался взгляд на Врангеля как на человека крупного масштаба.

Да, его недаром обвиняли в честолюбии. Если бы ему преподнесли корону Российской Империи, он бы не отказался. Чем Врангели хуже Романовых? Они высадились на Балтийском побережье еще в двенадцатом веке и были шведского происхождения, как и Рюриковичи, варяги они были. И если бы он принял корону, он управлял бы страной властно, твердою рукою, но без ненужной жестокости. Человек, который сумел обуздать казаков, не потерявши свою популярность, был тому доказательством.

Однажды, значительно позже, я спросил П.Б.Струве, который хорошо знал Ленина:

– Что такое Ленин?

Струве ответил не сразу, ему было нелегко родить характеристику Ленина:

– Ленин? Это... Ленин – это думающая гильотина. Да, думающая.

Таков был и Врангель. В случае действительной необходимости он мог быть железом. Но никогда не сделавши это в припадке раздражения или необдуманно.

Хладнокровие этого темпераментного человека поразительно, оно встречается не часто.

Все это я думал, смотря на качающегося на стуле бывшего крымского барона, а сам настаивал на какой-то крайности. Как удивительно, что человек может так двоиться, то есть смотреть как бы на себя сбоку и удивляться самому себе.

«Дела давно минувших дней...».

Уже после того, как был раздавлен «Лукулл» и Врангель перешел опять в посольство, был образован под его председательством так называемый Русский Совет⁸. В этот Совет Врангель пригласил и меня, несмотря на то, что ведь он был в раздоре с Деникиным когда-то, а я с Деникиным ладил.

Русский Совет собирался в посольстве раза два в неделю. Членам его стали выплачивать деньги – 100 лир в месяц, что было много. Значит, я разбогател. Но и сейчас же обеднел. Мне нужна была квартира, а квартиры были безумно дороги. Мне нашли квартиру, за которую я платил 75 лир. Эта квартира принадлежала одному французу, который собирался жениться на молодой армянке. Взяв эту квартиру, я сказал французу, что хотел бы приютить моих бедных друзей. Он позволил ...

На этой же квартире происходило однажды чаепитие, которое навсегда осталось у меня в памяти. За маленьким столиком пили чай Муся, Зина и Петр Титыч. А я сидел в стороне и слушал их беседу. Они говорили о том, о сем, но мне была ясна вся картина, отчего они говорили так, а не иначе. У Петра Титыча расстреляли дочь в Одессе, и он этого не знал. Зина и Муся это знали. У Зины расстреляли в Киеве ее мужа, полковника Барцевича.⁹ Она этого не знала, а Петр Титыч и Муся знали. У Муси расстреляли в Одессе двух любимых сестер, о чем она и не подозревала. А Петр Титыч и Зина знали. И только я, сидевший в стороне, знал все. И наблюдал, как все трое стремились не показать друг другу, что они знают. Это была истинная трагедия.

⁸ Русский Совет – совещательный орган, образованный генералом П.Н.Врангелем под его председательством в конце 1920 года в Константинополе после эвакуации белой армии из Крыма; занимался текущими вопросами и планированием организации будущей жизни белой эмиграции на Западе.

⁹ БАРЦЕВИЧ Владимир Петрович (1887–1920), полковник Генерального штаба, во время Гражданской войны член организации «Азбука» (начальник ее киевского отделения). В 1919, после занятия Киева белыми, был его градоначальником. Впоследствии расстрелян большевиками.

Затем из того же времени вспоминаю молодого офицера, который пришел ко мне и просил помощи:

– Мне очень стыдно, но я голодаю. Не откажите мне хотя бы ради ваших отношений с моим отцом.

– А кто же ваш батюшка?

– Мой отец Александровский,¹⁰ он был прокурором в Киеве.

Я помог ему, дав, конечно, немного, но гораздо больше, чем мог, потому что и наши деньги были на исходе. И не сказал ему, какого рода отношения были у меня с его отцом.

Александровский был тем прокурором, который обвинил меня в Киеве за мою статью против главного прокурора Чаплинского за недопустимые действия последнего по делу Бейлиса.¹¹ И он добился того, что меня присудили к трехмесячному тюремному заключению.

Три месяца – это просто пустяк. Острые приговора заключалось в том, что я будто бы сознательно распространял лживые сведения о главном прокуроре палаты Чаплинском.

Очевидно, молодой Александровский тогда был мальчиком и ничего не помнил, а позднее, когда обстоятельства изменились и я был популярен в Киеве, то он мог слышать из уст своего отца похвалы в мой адрес. Поэтому он начал с добрых отношений его отца со мной.

В русской газетке, издававшейся в Константинополе, появилось сенсационное сообщение, будто бы в Одессе восстали рабочие Русского Общества Пароходства и Торговли, называемого в просторечии РОПИТ¹². Будто бы ропитовцы восстали на манер Кронштадтского восстания. Я этим до крайности взволновался. Одесса–мама была мне хорошо знакома и дорога моему сердцу. И я сейчас же вознамерился помочь ропитовцам. И немедленно написал письмо П.Н.Врангелю, который, кажется, тогда еще жил на «Лукулле». Примерно я писал так: «В Одессе восстание, но восставшие рабочие не опытни в политике, им нужно руководство, короче говоря, местное правительство. Так как я уже устраивал в Одессе такое местное правительство, то я примерно представляю себе, что надо сделать. У ме-

¹⁰ АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, у В.В.Шульгина написано ошибочно, на самом деле АЛЕКСАНДРОВИЧ Александр Иванович, статский советник, во время «дела Бейлиса» (1913) был товарищем (заместителем) прокурора Киевского окружного суда.

¹¹ БЕЙЛИС М., киевский мещанин (приказчик кирпичного завода) еврейской национальности, ложно обвиненный царской юстицией (1913) в ритуальном убийстве русского мальчика, за что и был отдан под суд. Единственным правым органом печати, выступившим с разоблачением этого дела, была издаваемая В.В. Шульгиным газета «Киевлянин».

¹² РОПИТ был образован в январе 1857 года с целью поддержания морского и речного пароходного сообщения.

ня есть под рукою быстроходная яхта, и я могу на ней направиться в Одессу и подойти под белым флагом. Но мне совершенно необходим генерал, который бы стал во главе воинских сил там, в Одессе. И нужно, чтобы это был человек с именем, популярный. Я прекрасно знаю, что произошло между Вами и Слащевым,¹³ но другого генерала этого типа я не вижу. Я прошу Вашего разрешения вместе со Слащевым отправиться немедленно в Одессу».

Получив мое письмо, Врангель пригласил меня приехать к нему на «Лукулл». Встретив меня стоя, после обычных приветствий он начал так:

– Вы пишете, что вам известно, что произошло между мною и Слащевым. Но мне кажется, что вы не до конца знаете. Начать с того, что мы были со Слащевым на ты, друзья–приятели. Я послал его в Каховку, очень ответственное место. Но затем я увидел, что с ним что-то происходит. Утром получаю телеграмму: «Гоню красную сволочь на Москву», вечером: «Все пропало». И узнал я, что он отравляет себя одновременно алкоголем и кокаином. В голове у него, видимо, что-то совсем неладно. С ним всегда едет его денщик, какая-то красивая баба, а над ними летает орел.¹⁴ Все это, конечно, видели войска и понимали, что Слащев сошел с ума. Но и этого мало. Я получил сведения, что там творится бог знает что: бессудные убийства и расстрелы. Тогда я послал туда генерала Ронжина,¹⁵ уже специализировавшегося на таких делах. Ронжин на месте увидел, что действительно творятся потрясающие безобразия. Кроме всего прочего, они расстреляли почтенную даму, жену действительного статского советника, чтобы завладеть жалкой суммой в тридцать тысяч рублей, которая у нее имела. Когда Ронжин спросил об этом Слащева, последний сказал: «Ничего подобного я не знаю». Тогда Ронжин предъявил ему записку, в которой было написано: «Такую-то вывести в расход», подписано: «Слащев». «Я был пьян», – начал объяснять он. «Возможно, – ответил Ронжин, – но генерал Врангель вас вызывает немедленно к себе». Я мог совершенно свободно отозвать его с фронта, потому что он совершенно испортил мне Каховку. Он приехал. Я сказал ему: «Вот что, дорогой мой. Или я тебя уберу с великими почестями, дав тебе титул Слащев–Крымский, или под суд». Он выбрал Слащева–Крымского и уехал. Но затем, в Константинополе, он начал интриговать против меня. Его судили и лишили чинов. Теперь я даже не знаю, где он. Могу ли я вам предложить такого генерала для Одессы? А кроме

¹³ СЛАЦОВ Яков Александрович (1885–1929). Генерал-лейтенант (1920), окончил Николаевскую академию Генерального Штаба. Участник 1-й мировой и Гражданской войн. В Русской армии генерала П.Н.Врангеля в Крыму командовал армейским корпусом. В ноябре 1920 эмигрировал в Турцию, в 1921 реэмигрировал в Сов. Россию. Преподавал тактику в школе командного состава «Выстрел» советской армии. Убит в помещении школы, якобы из личной мести, хотя по времени его убийство совпадает с волной репрессий, обрушившейся на бывших офицеров белых армий.

¹⁴ Так в тексте. – Прим. ред.

¹⁵ РОНЖИН Сергей Александрович, Генерального штаба генерал-майор, в 1914-1917 начальник военных сообщений при Верховном Главнокомандующем, в 1920 генерал для поручений при Главнокомандующем Русской армией в Крыму генерале П.Н.Врангеле.

того, ведь это может быть только газетная сенсация и никакого восстания там нет.

Врангель оказался прав. Восстание ропитовцев оказалось газетным бумом, а мою быстроходную яхту налетевшая буря разбила в щепки.

Итак, Русский Совет довольно регулярно заседал. Однажды Врангель сказал:

– Сейчас начальник штаба генерал Шатилов доложит Совету о наших делах на Украине.

Шатилов начал рассказывать, что на Украине дела идут благополучно. В Киеве и других центрах у нас заложены ячейки, которые подготавливают наступление, если таковое будет...

Я слушал это с великим удивлением и когда заседание Совета кончилось, я спросил у Петра Николаевича, откуда такие сведения? Он сказал:

– Да как же, это же ваш Барцевич устроил.

Я ответил:

– Простите, Петр Николаевич, через четверть часа я кое-что вам доложу.

Летом, в июле месяце двадцатого года, в Крыму, полковник Барцевич разыскал меня и сказал:

– Врангель посылает меня в Киев, дав права командующего армией на предмет устройства опорных пунктов. Я согласился. Но так как вся эта авантюра казалась мне сомнительной, то я решил сноситься с Врангелем, не сказавши ему об этом, только через мою жену Зину и полковника Петра Титыча Самохвалова...

Так как я находился в ближайших отношениях с этими лицами и жил на Кошка-дере, то я твердо знал, что от Барцевича ничего не было. Но на всякий случай я сбегал на Кошка-дере и поинтересовался, не пришли ли какие-либо сведения от Владимира Петровича.

– Нет ничего, – был ответ. Тут же я узнал, что Барцевич погиб.

Я вернулся к Врангелю и говорю ему:

– Петр Николаевич, вас обманывают. Владимира Петровича и в живых уже нет.

Врангель загремел:

– Павлуша!!!

Шатилов явился.

– Барцевич расстрелян! Кто тебе дает такие сведения об опорных пунктах?

Шатилов опешил:

– Да наш же разведывательный аппарат.

С тех пор ко всяким казенным разведкам я отношусь с величайшим недоверием. Очень часто эти разведчики, когда их вызывают, то читают в глазах начальства, что было бы ему желательно. Затем они на некоторое время куда-то исчезают, потом будто бы возвращаются и докладывают как надо.

Ну что ж, пострадал ли этот разведывательный аппарат, предали ли его суду? Нет. Он продолжал существовать и дальше, а если бы его и предали суду, то в чужом государстве, каким бы образом приговор мог быть приведен в исполнение? Только в порядке тайного убийства.

Русский Совет, в который я вошел по назначению Врангеля, состоял из более или менее видных эмигрантов, находившихся в ту пору в Константинополе. Заседал он довольно регулярно в здании русского посольства. Из дел, которые прошли через Совет, я вспоминаю учреждение так называемых «колоний», с тем расчетом, что вся эмиграция покроется сетью таких ячеек. Это отчасти и сбылось. Но потом эти «колонии» захирели. Их заменил и существовал до самого конца эмиграции так называемый РОВС, то есть Российский Общевоинский Союз¹⁶. Во главе этого Союза стоял Врангель. Но был еще жив Великий Князь Николай Николаевич.¹⁷ Он был весьма популярен среди западных держав, особенно среди французов. Они, французы, не забыли о том, как был спасен Париж.

Париж был на краю гибели. А если бы он попал в руки немцев, Франция вышла бы из войны. Франция не могла бы сжечь Париж, как мы сожгли Москву в 1812 году, и это все понимали.

Поэтому французское правительство и генеральный штаб обратились к России за помощью. Тут надо вспомнить, что французский и русские генеральные штабы уже давно работали совместно. И программа действий в случае войны была выработана по графику, где было указано по числам, где и как обе армии должны были действовать. Но когда Франция обратилась за помощью к России, то график пришлось сломать. И это катастрофически отразилось на нашем наступлении.

Другими словами, вторжение в Восточную Пруссию не было подготовлено. Тем не менее три русских корпуса вошли в Германию. Это подействовало на немецкое командование так, что оно сняло два корпуса, окружавших Париж, и перебросило их на Восточный фронт. Хотя эти два корпуса разбили наши три корпуса и наше наступление превратилось в катастрофу, но в смысле самой высокой стратегии мы одержали победу – Париж был спасен.

Поэтому Великий Князь Николай Николаевич избрал местом своей резиденции Францию, приморский городок Антиб, где он и умер.

Итак, РОВС возглавлял Врангель. А Великий Князь Николай Николаевич? Великий Князь в этом смысле был последователен. Во время Гражданской войны Деникин предлагал Великому Князю возглавить Белую армию. И он отказался. Так и в эмиграции он предоставил РОВС Врангелю. А Врангель говорил мне так о Великом Князе: «Какую-то политику ведет Великий Князь. Я в эти дела не вме-

¹⁶ Русский Общевоинский Союз (РОВС) основан в 1923 году генералом П.Н.Врангелем взамен Русской армии после эвакуации ее из Крыма с целью сохранения кадров армии в эмиграции.

¹⁷ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, Великий Князь (1856–1929). Генерал от кавалерии, внук Императора Николая I. Во время 1-й мировой войны Верховный Главнокомандующий русской армии в 1914–1915, затем наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским фронтом.

шиваюсь, потому что без крупных средств наши попытки будут булавочными уколами».

У Николая Николаевича денег тоже не было. Но была какая-то возможность их получить. То ли дело шло о суммах династии, находившихся за границей, то ли о крупной помощи со стороны держав. Такие, очень большие суммы были, наконец, предложены Врангелю. И тогда Врангель изменил свою точку зрения и готов был начать свою политическую акцию. Однако, он заболел и скоропостижно умер. Некоторые думали, что неудача, постигшая его в этом начинании, была причиной того, что болезнь Врангеля, которая могла бы пройти бесследно, обратилась в скоротечную чахотку. Об этом проскользнули какие-то сообщения в русских газетах, издававшихся в Китае. В них лицо, достаточно авторитетное,¹⁸ общало примерно так:

– Генерал Врангель умер от огорчения, когда надежды на крупные суммы, которые должен был получить начальник Воинского Союза, не сбылись.

Но была и другая версия. Будто бы Врангель был отравлен. Ему, больному гриппом, дали сильнейшую дозу бацилл этой же болезни в кофе. Это предполагал крупный русский врач Алексинский.¹⁹ Удобства такого отравления очевидны – при вскрытии не найдут ничего, кроме бацилл болезни, а число их определить нельзя.

Алексинский добавлял, что такое резкое ухудшение болезни было просто необъяснимо. «При этом, – говорил он, – больной страшно кричал, что не могло быть при большом упадке сил. И кричал так, как будто он, по-видимому, о чем-то догадывался».

Кто же подсыпал бациллы в кофе? И это объясняли. За Врангелем самоотверженно ухаживал его прежний денщик, который остался вне подозрений. Но к нему приехал из Советской России его родственник, фельдшер по образованию. Он сейчас же уехал обратно и этим подозрение как бы подкрепилось. Но с другой стороны семья Врангеля, то есть его мать и жена отрицали отравление. Очень трудно сказать при таких условиях, что именно произошло.

Еще был генерал Кутепов,²⁰ который был в ссоре с Врангелем, но близок к Великому Князю Николаю Николаевичу. И так как Кутепов оказался втянутым в ор-

¹⁸ На мой вопрос, что это за лицо, В.В. ответил: «Князь Юсупов».– РК

¹⁹ АЛЕКСИНСКИЙ, Алексей Семенович, профессор, известный русский врач, в ноябре 1920 эмигрировал из Крыма в Константинополь (генерал П.Н.Врангель включил его в состав «Русского Совета»), затем перебрался во Францию, жил в Париже, в 1930-х годах уехал в Марокко, где и погиб.

²⁰ КУТЕПОВ Александр Павлович (1882–1930), кадровый офицер, участник 1-й мировой и Гражданской войн. В Русской армии генерала П.Н.Врангеля командовал 1-й армией. В эмиграции во Франции, после смерти генерала П.Н.Врангеля возглавил РОВС. В январе 1930 был похищен в Париже советской разведкой и скончался от сердечного приступа на советском корабле по пути к Новороссийску.

ганизацию «Трест»²¹, то и Николай Николаевич благоволил к «Тресту» и принимал Якушева²² в Париже. Отчасти поэтому «Трест» в свою программу включил, что Верховным Правителем России будет Великий Князь Николай Николаевич в случае падения Советской власти. К этому надо прибавить, что этот выбор имел под собой некоторые основания. Со времени Первой Мировой войны прошло еще не так много времени, а в русской армии Великий Князь Николай Николаевич, в среде солдатской, был популярен.

Однако Врангель в отношении Кутепова оказался пророком. Он прямо говорил: «Кутепов неплохой воинский начальник, но у него не хватает сообразительности и он впутается в такую историю, что мир ахнет».

Действительно, Кутепов среди белого дня был похищен в Париже. Он шел по улице. Остановился некий автомобиль, открылась дверца и некая дама пригласила генерала подвезти. Этой дамой, по-видимому, была известная певица Плевицкая,²³ которую Кутепов хорошо знал.

Три дня Франция искала даму в бежевом пальто, что было довольно наивно, так как ей нетрудно было пальто переменить. Других же улик не было. Поэтому Плевицкая не была привлечена к ответственности судебной властью. Она попала только через несколько лет, когда был похищен генерал Миллер,²⁴ в то время возглавлявший Воинский Союз.

Кем был похищен Миллер, осталось неизвестным. Возможно, что немцами, так как Миллер, несмотря на свою фамилию, был определенный сторонник английской ориентации. Письмо, написанное Миллеру с приглашением на тайное свидание, было подписано явно немецкими псевдонимами и даже шуточными. Один из них был «Штроман».²⁵ Другой псевдоним я не помню, но он был в этом же роде.

Миллер, конечно, был крайне неопытен в таких делах. Идя на тайное свидание, он не был сопровождаем издали своими друзьями, прием элементарный. Однако Миллер оставил в канцелярии РОВС'а письмо, которое приказал

²¹ Трест – кодовое название операции советской службы безопасности (ОГПУ), образовавшей с провокационной целью в начале 1920-х годов якобы антисоветскую организацию.

²² ЯКУШЕВ Александр Александрович (? –1937), статский советник, чиновник Министерства путей сообщения, специалист по водным путям сообщения, после революции служил в советских учреждениях, негласный сотрудник советской службы безопасности (ОГПУ), провокатор, один из главных участников «Операции “Трест”». В 1934 был арестован и расстрелян.

²³ ПЛЕВИЦКАЯ Надежда Васильевна (1884–1941). Певица (меццо-сопрано), исполнительница русских народных песен и романсов. Жена генерала Н.В.Скоблина, с которым в ноябре 1920 эмигрировала из Крыма. Жила в Париже. Завербованная советской разведкой, была причастна к похищению руководителей РОВС'а генералов Кутепова и Миллера. Осуждена французским судом на каторжные работы. Скончалась в заключении.

²⁴ МИЛЛЕР Евгений Карлович (1867–1939?). Генерал-лейтенант. Во время Гражданской войны Генерал-губернатор и главнокомандующий войсками Северной области (г.Архангельск). С февраля 1920 в эмиграции. После похищения в 1930 советской разведкой генерала А.П.Кутепова возглавил РОВС. В сентябре 1937 был тоже похищен советской разведкой.

²⁵ Der Strohmann – соломенное чучело; подставное лицо, марионетка.

вскрыть, если он не вернется в таком-то часу. В этом письме было сказано, что о свидании знает генерал Скоблин.²⁶ Этот генерал когда-то, во время Гражданской войны, командовал лучшим в Белой армии Корниловским полком и был вне подозрений. Но он был мужем Плевицкой.

Письмо Миллера читалось вслух в присутствии нескольких человек. Читал генерал Кусонский.²⁷ В числе слушавших был и муж Плевицкой. Естественно, что после произнесения фамилии генерала Скоблина, взоры всех присутствующих обратились на него. Но его уже не оказалось [в канцелярии]. Он ловко ускользнул. Все бросились искать его вниз по лестнице, то есть по направлению к выходу, но потом выяснилось, что он убежал вверх, где заранее приготовил конспиративную комнату.

По французским законам жену нельзя привлечь за недонесение на мужа. Плевицкую привлекли за соучастие. На суде происходили весьма волнительные сцены. На скамье подсудимых была Плевицкая, а на скамье свидетелей – госпожа Миллер. Последняя, рыдая, просила Плевицкую, с которой была дружна, сознаться, а Плевицкая, также в слезах, отвечала, что ничего не знает. Присяжные, очень раздраженные, что среди белого дня похищают людей, дали Плевицкой десять лет тюремного заключения. После шести лет она умерла в тюрьме.

Германия

Точно не помню когда, но примерно в конце 1922 года выяснилось, что мне в Чехии больше нечего делать. Одновременно оказалось, что попасть в Германию совсем нетрудно. В тогдашнюю Германию въезд иностранцам разрешала не центральная власть, а власти провинциальные.

Еще надо принять во внимание, что тогдашняя Германия в противность ее прежней истории, жила под знаком взятки. Немецкая валюта падала катастрофически. Все чиновники голодали. Голод был всемогущ. Мой управляющий на Волыни пересылал мне доходы в долларах. А я узнал, что некий русский киевлянин, бывший полковник Клименко,²⁸ живет в Берлине, носит звание «присяжного

²⁶ СКОБЛИН Николай Владимирович (1894–1937?). Генерал-майор (1920). Участник 1-й мировой и Гражданской войн. В Русской армии генерала П.Н.Врангеля в Крыму был начальником дивизии. В эмиграции во Франции, в сентябре 1930 был завербован советской разведкой и выполнял ее задания вплоть до похищения председателя РОВС'а генерала Е.К.Миллера в сентябре 1937. Был разоблачен и бежал, по-видимому, в Испанию.

²⁷ КУСОНСКИЙ Павел Алексеевич (1880–1941). Генерал-лейтенант (1922). Окончил Николаевскую академию Генерального Штаба (1911). Участник 1-й мировой и Гражданской войны. В 1920 нач. штаба одной из армий в Крыму. После эвакуации Крыма был назначен помощником нач. штаба армии генерала Врангеля, в эмиграции в Бельгии. Погиб в немецком концлагере.

²⁸ КЛИМЕНКО, бывший офицер русской императорской армии, в 1918 служил на Украине в армии гетмана П.Скоропадского. В эмиграции в Германии.

советника» и оказывает услуги русским эмигрантам. Он написал мне, что за два доллара может выхлопотать разрешение въехать в Германию для меня и Марии Дмитриевны.

И мы поехали. Багаж у нас был такой. Огромный мешок со всем нашим имуществом, где носильные вещи были перемешаны с тарелками и стаканами. Я об этом пишу потому, что мешок этот куда-то заслали, и я его насилу разыскал. Чиновник потребовал открыть мешок. Я развязал. Он сунул туда руку. Закричал и вынул ее окровавленную. Мешок бросали, стаканы разбились, он порезал руку и стал, естественно, возмущаться. Я извинился и объяснил:

– Мы русские беженцы. Тут все наше имущество. Я не знал, что моя жена напихала туда стаканы, иначе я бы вас предупредил.

Немец вошел в наше положение и инцидент был исчерпан.

Я познакомился с полковником Клименко в Берлине (какая у него была фамилия в Германии, я не помню), приехав туда из Чехии. Он рассказал мне о Киеве времен Гражданской войны удивительные истории. И очень бранил Драгомирова,²⁹ который в тот период был главным начальником в Киеве:

– Я сколотил малороссийский отряд, потому что свободно говорю по хохлацки. Фамилия моя вовсе не Клименко, я чистый немец по крови. Как вы сами знаете, в это время начальство Добровольческой армии перестало такие отряды кормить. Все перешли на самокормление. Вследствие этого в Киеве начался так называемый «тихий погром». Воинские подразделения вламывались в дома и требовали от евреев, чтобы их накормили. Это и называлось «тихий погром». Но так как евреи, естественно, очень боялись, то они били в сковороды и кастрюли и отчаянно кричали: «Спасайте такой-то номер», то есть дом. Таким образом, тихий погром превратился в «громкий погром».

Слушая Клименко, бывшего начальника малороссийского отряда, я вспомнил свою статью «Пытка страхом». В ней я писал примерно так: «Поймут ли евреи значение переживаемых событий. В этом и их и наша судьба. На антисемитизме не выедешь, но на сочувствии марксизму тоже».

Эта статья благодаря своему названию произвела совершенно не то впечатление, какое я хотел. Только Паустовский понял ее правильно, как сочувствие к пытаемым страхом. Остальные расценили ее как сочувствие к погромам.

²⁹ ДРАГОМИРОВ Абрам Михайлович (1868–1955), генерал от кавалерии, окончил Николаевскую академию Генерального Штаба (1893). Участник 1-й мировой и Гражданской войн. В 1918-1919 возглавлял гражданское управление при Главнокомандующем ВСЮР. В марте 1920 – председатель Военного Совета, собранного по приказу ген. А.И.Деникина в Севастополе с целью избрания его приемника (ген.П.Н.Врангеля). В эмиграции проживал сначала в Сербии, затем в Париже. Активный участник РОВС'а.

Бывший Клименко оказал мне услугу не только в смысле визы в Германию, но и в другом отношении. В Германии того времени драли ужасные налоги с иностранцев. И тут надо было пожертвовать долларом или больше, чтобы снизить налоги до возможного предела. Это было сделано. Итак, все в Германии делалось за взятки. Из этого можно сделать заключение, что немцы сделались бесчестными. Нет, их честность сказывалась в том, что получив взятку, они в точности выполняли обещанное.

Где разрешено было нам поселиться? Под Берлином, в городке Биркенвердер. Там мы нашли гостиницу–пансион некоего Гофмана, средних лет немца, серьезного и почтенного. Узнав, что мы будем платить в долларах, он устроил нас по очень дешевой цене. Тут еще надо принять во внимание следующее обстоятельство. Марка немецкая падала неудержимо и поэтому жизнь имевших доллары становилась с каждым днем дешевле ...

Я часто ездил в Берлин (час езды). Железная дорога проходила по ровной, низменной местности. Среди этих осенних полей торчали кое-где высокие дома. И вот мне казалось почти до галлюцинаций, что чья-то громадная рука снимает эти громады и, превращая их в развалины, расшвыривает по полям.

Иногда я ездил в Берлин вместе с молодым сыном хозяина нашей гостиницы. Он всегда, глядя в окошко, как и я, был молчалив и печален. Я спросил его однажды:

– Отчего вы так печальны, мой друг? Перед вами вся жизнь.

Он ответил:

– Нет. Наша жизнь будет коротка. Наше поколение умрет. Увидят жизнь те, кто будет после нас.

Молодой человек этот предчувствовал вторую войну, которую суждено было проиграть Германии ...

В Берлине было однажды собрание, где были почти одни русские эмигранты. Мы с интересом слушали ораторов, прибывших из Советской России. В те времена советская власть не была так жестока и этих людей просто выслали. В их числе был профессор Ильин.³⁰ Он говорил очень интересно, но содержание его речи я не помню. Потом выступал профессор Бердяев, философ. Тоже не помню его речи. Но помню его язык. Он страдал какой-то нервной болезнью – его язык

³⁰ ИЛЬИН Иван Александрович (1882–1954), русский религиозный философ, представитель неогегельянства. В 1922 эмигрировал на Запад.

вдруг выскакивал наружу. Это было очень неприятно. Он рукою вправлял его обратно в рот и продолжал речь.

Затем говорил еврей Бикерман. Его выступление я отлично помню:

– Говорят много о еврейских погромах в России. Да, погромы были и это ужасно. Но как могли они не быть после того, что произошло. Уничтожили династию, уничтожили дворянство, уничтожили духовенство, купечество и промышленный класс. Принялись за зажиточных крестьян, прозванных кулаками. На очереди середняки, а бедняков загоняют в колхозы. Примите во внимание, что все эти категории были по преимуществу русские, а евреев в них не было. Каким же образом одни евреи могли избежать погромов после того, как совершился один великий русский погром...

Быть может, впервые еврей сказал такие слова. Его речь произвела громадное впечатление на слушателей.

Мне помнится, но я не уверен, что в это время Высший Монархический Совет³¹, состоявший из Маркова,³² бывшего члена Государственной Думы, Ольденбургского (отец остался в Советском Союзе), кажется, Ефимовского³³ и еще кого-то, существовал в Берлине. Кажется, они издавали какую-то газету. Им предложили какую-то мутную, то есть неизвестно откуда происходящую субсидию. Я узнал об этом и от кого она происходит. И предложил им следующее. Не отказываться от субсидии, но одновременно положить в сейф документ с соответствующими подписями о том, что, зная откуда деньги, они употребляют их на цели, ими преследуемые. Но субсидия не поступила, а потому в сейф не был положен документ.

Вообще же Высший Монархический Совет был предприятием дутым. Он имел мало влияния на монархистов, которых было немало в эмиграции. Более того, было известно, что Марков ведет интригу против Врангеля, приписывая ему бонапартистские мечты. Это был вздор. Врангель ни в коем случае не добивался престола, ибо это было бы смешно. Но если бы смешное произошло, то он рассмеялся бы и постарался переплавить смешное в серьезное. Поэтому интриги Маркова были пустопорожние, а поскольку они колебали престиж Врангеля, объединявшего все русское воинство за границей, то они были еще и вредными. Вся

³¹ Высший Монархический Совет – образован в начале 1920-х годов в Париже монархически настроенной частью Белой эмиграции с целью консолидации сил сторонников восстановления монархии в России.

³² МАРКОВ (Марков 2-й) Николай Евгеньевич (1866–1945), крайне правый русский политик, основатель партии народного порядка, слившейся впоследствии с «Союзом русского народа» и «Союзом Архангела Михаила». Член Государственной Думы. В 1920 эмигрировал во Францию.

³³ ЕФИМОВСКИЙ Евгений Амвросиевич (1885–1964), прапорщик. С 1.05.1918 сотрудник организации «Азбука» (курьер). В эмиграции сначала в Германии, затем во Франции.

жизнь Маркова была такой. Он поддерживал монархию как идею и в то же время разъединял монархистов, носителей этой идеи ...

Затем надвинулся 1923 год. В Биркенвердер неожиданно приехал «Око». Он был когда-то моим подчиненным по «Азбуке» и носил такой псевдоним. Полковник Петр Титыч Самохвалов (а это был он) сообщил мне сенсационную новость: меня приглашают к генералу фон Лампе,³⁴ который был представителем Врангеля в Берлине. И тоже был когда-то в «Азбуке» под шифром «Люди», и работал вместе со мною затем в газете «Россия»³⁵, издававшейся в Екатеринодаре. Он сохранил со мною наилучшие отношения. И еще сообщил мне «Око»: сейчас находится в Берлине генерал Климович,³⁶ в прошлом начальник жандармов, ныне состоящий при Врангеле в Югославии. Я немедленно отправился в Берлин.

У Лампе нас оказалось четверо вместе с хозяином. Сам фон Лампе, Климович, сенатор Чебышев³⁷ и я. «Око» не присутствовал на этом заседании. Фон Лампе объяснил, почему он пригласил нас:

– Я жду «человека оттуда».

«Человек оттуда» появился точно и это было для него характерно. Это был Александр Александрович Якушев, в прошлом действительный статский советник, инженер, специалист по внутренним водным сообщениям. Свой доклад он начал примерно так:

– Разумеется, вы не обязаны мне верить. Но все же, думаю, вам будет интересно меня выслушать. Не думайте, что Россия умерла под советской властью. Она живет, она мыслит, она страдает, но не пассивно – она борется. Я стою во главе организации, носящей условную кличку «Трест». Тресты у нас вообще в моде. Особенно популярен так называемый ТЭЖэ, то есть трест жировой, под которым скрывается высокосортное мыло, всякие дамские ухищрения, в том числе пудра «Коти» из Парижа. Эта пудра получается контрабандой, а еще контрабандисты любят фальшивые зубы, товар ценный и легкий. Но мы трест без спецификации. Это подпольная организация, сильная и смелая. Естественно, что вас прежде все-

³⁴ ЛАМПЕ Алексей Александрович, фон (1885–1967), генерал-майор, участник 1-й мировой и Гражданской войн. Во время Гражданской войны с апреля 1918 был членом «Азбуки» (шифр «Люди»). В начале эмиграции был военным представителем Русской армии в Дании, Венгрии и с 1923 в Германии. После 2-й мировой войны жил во Франции, в 1957–1967 возглавлял РОВС.

³⁵ «Россия» – газета, выходившая с 15 августа по 2 декабря 1918 года (всего 88 номеров) в Екатеринодаре, столице Белого движения на Юге России.

³⁶ КЛИМОВИЧ Евгений Константинович (1871– ?), кадровый офицер, в 1898 перешел служить в Отдельный Корпус жандармов, последний Директор Департамента полиции МВД (март 1916–март 1917), сенатор (1916). В эмиграции состоял при генерале П.Н.Врангеле.

³⁷ ЧЕБЫШЕВ Николай Александрович (1852– ?), профессиональный юрист, сенатор (1911), член Государственного Совета и товарищ (заместитель) Министра Юстиции (январь 1917). В эмиграции состоял при генерале П.Н.Врангеле.

го интересует, какова наша программа. Очень простая. По аграрному вопросу для крестьян синяя бумажка, то есть купчая или данная на землю. Это все, что надо мужикам – они хотят быть законными собственниками той земли, которую они получили незаконно. Мы уверены, что при укреплении мелкой частной собственности земледелие процветет, а с ним процветет и Россия, ибо земля – ее основа. Ну, конечно, мы будем поддерживать промышленность, особенно казенную, приспособивая ее, главным образом, к нуждам земледелия. А что же мы хотим дать интеллигенции? Немножко свобод: печати, союзов, собраний и так далее. Немножко, потому что много свободы приносит вред, как мы узнали это из практики Государственных Дум. А как мы мыслим себе будущую власть? Во-первых, приход ее не должен быть в форме революции, а в форме дворцового переворота и без кровавых жестокостей. Когда этот переворот произойдет, мы хотели бы поставить единоличного, крепкого и популярного Верховного Правителя. Он напрашивается сам собой. Прошло еще немного времени после окончания войны и каждый бывший солдат русской армии помнит имя Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича. Его мы видим Верховным Правителем. Вот и все.

Если вы хотели бы проверить мои слова, то я приглашаю кого-нибудь из вас или других лиц, известных в эмиграции, тайно посетить Советский Союз. Я не могу обещать полную безопасность. Это все же будет опасно. Но для наших гостей мы сделаем все возможное, а мы кое-что можем.

На этом Якушев кончил. Насколько я помню, никаких вопросов ему задано не было. Говорил он уверенно, с манерами человека, который знает себе цену.

Лампе поблагодарил его, и Якушев ушел. После его ухода мы высказались. Трое из нас – Лампе, Климович и я – выразили доверие Якушеву. А сенатор Чебышев сказал:

– Провокатор.

Кто же из нас четверых был прав? Все. Якушев, по моему убеждению, когда он посетил нас в Берлине, не был провокатором. Но, возвратившись в Москву, он им стал. Как это случилось? Я расскажу.

Прежде чем говорить о Якушеве–провокаторе, займемся его «программой». Синяя бумажка. Уже в Государственной Думе второго созыва, в 1907 году, из краткой речи волынского хлебороба с кафедры показалась синяя бумажка. Он сказал:

– Земля нам нужна, что и говорить. Но мы не хотим никому делать кривду.

В осуждение «кривды» и была синяя бумажка. Получить землю захватом, насильно – это значило сделать кривду кому-то. Без кривды получить землю – значило иметь в руках законный документ, купчую или данную. Это и была якушевская синяя бумажка.

И позже, когда я, откликнувшись на приглашение Якушева и готовясь нырнуть в Советскую Россию, зарастал бородой на Волыни, ко мне явились крестья-

не из моих соседей по имению. Они ничего не знали, что я собираюсь предпринять, и разыскали меня для своих личных дел. Они хотели купить у меня некоторый сенокос. Это значило, что они хотели иметь в руках синюю бумажку, законный документ. Я сказал им, что как только смогу приготовить «синюю» бумажку, я им эти сенокосы продам. По окончании разговоров о сенокосах эти бывшие солдаты русской армии спросили:

– Дозвольте узнать, Государь Император жив?

– Нет.

– А Великий Князь Николай Николаевич?

– Да.

Они поклонились, видимо обрадованные. Это был ответ на второе утверждение будущего провокатора Якушева:

– Нет такого русского солдата, который бы не помнил имя Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича.

Начнем с того, как образовался «Трест». Существовала в одной из столиц особа четвертого класса, его превосходительство Александр Александрович Якушев. Он имел узкую специальность – внутренние водные пути сообщения. Я не знаю, входило ли в эти пути сообщения то, что на них выросло позже, т.е. разные ГЭС. Быть может. Перед началом Первой мировой войны Государственная Дума ассигновала тридцать миллионов золотом на использование Днепровских порогов для грандиозной гидроэлектростанции. Война помешала осуществлению проекта. Быть может, в этом деле принимал участие Якушев. Во всяком случае у него были широкие планы.

Именно об этих планах узнал Троцкий (Бронштейн). Сейчас все знают, кем был Троцкий, но в будущем о нем могут забыть или совершенно исказить его фигуру.

Троцкий был ближайший сподвижник Ленина, в качестве какого он обладал большой властью. Он был крайний честолюбец. Я знал его сотоварища по херсонской гимназии, которую окончил и молодой Бронштейн. И он мне говорил:

– Троцкий жил под знаком чрезвычайного властолюбия. Мы тогда этого не понимали. Но мы понимали, что он желал быть всегда и всюду первым. Быть первым – вот Троцкий.

Поэтому хотя Троцкий был сподвижник Ленина и в случае необходимости ему подчинялся, но конечно и в этом положении он мечтал быть первым, то есть отодвинуть Ленина на второй план. Посланный в Брест, он отказался подписать Брестский мир и подписал его только по категорическому требованию Ленина.

Троцкий, как известно, выдвинул теорию: нельзя делать революцию только в одной стране, ее необходимо делать разом во всем мире. Почему? Потому что революция временно ослабляет всякую страну. И вот получилось бы невыгодное неравенство – ослабленная революцией Россия и сильные западные державы, избежавшие революции. Поэтому Троцкий не делал революцию в России после того, как Октябрьская революция дала в его руки часть власти. Он перешел на путь эволюции. Тогда-то, не знаю, при каких обстоятельствах, он высмотрел Якушева и пригласил его к себе.

Но Якушев не признавал советскую власть и отказался идти к Троцкому. Последний возобновил приглашение, послав его через двух солдат. Якушева привели. Троцкий встретил его с отменной любезностью и угостил сытным обедом, что было лучше всякой любезности. И после обеда Троцкий сказал гостю:

– Александр Александрович, мы прекрасно знаем, кто Вы такой. Вы русский националист.

Якушев согласился с этим.

– Так вот, мы от Вас ничего больше не желаем, оставайтесь тем, кем Вы являетесь по убеждению. Прежней русской власти нет, но Россия осталась. И теперь мы управляем ею. Наша точка зрения такая: все, что полезно России, выгодно нам, потому что нам нужна сильная Россия, сильная во всех направлениях. И даже на узком фронте внутренних водных сообщений. Наверное у Вас были широкие планы на этом узком фронте. И вы их представляли царскому правительству. Но вам отвечали: это очень хорошо, но это не срочно и у нас на это денег нет.

Якушев подтвердил, что действительно так бывало.

– Так вот что, Александр Александрович, как мы ни бедны сейчас, а на осуществление ваших планов у нас деньги найдутся. Работайте.

Так Троцкий, о котором впоследствии Якушев говорил: «Умная жидюга» – поддел Якушева на крючок, играя на его любви к своей специальности.

Словом, Якушев согласился и стал работать. Работал он, видимо, хорошо и энергично, потому что его послали за границу посмотреть, что там делается по его специальности. Когда он вернулся, его арестовали, предъявив ему некоторые обвинения.

И тогда Якушева сломали. Он согласился служить чекистам, однако, с некоторым условием. Он будет работать против иностранцев и русской эмиграции, которая его подвела. Против же советских граждан он работать не будет.

Поездка в Советскую Россию

Прошло два года с тех пор, как я встретился с Якушевым в Берлине. За это время я его не видел. Но генерал Климович, находившийся при Врангеле, наладил связь с Якушевым.

Врангель в «Трест» не верил, но не мешал Климовичу возиться с ним. Связь была постоянная, и я увидел, что теперь настало время при помощи Климовича и «Треста» найти моего сына. Благодаря Анжелине я знал, что он находится в доме для умалишенных в Виннице.

Я сказал Климовичу, что хотел бы воспользоваться тем приглашением, которое Якушев сделал в Берлине. Климович согласился мне помочь и запросил Якушева, готовы ли они принять меня. Ответ был утвердительный с добавлением: «Сделаем все, что можем».

При решительном разговоре я спросил Климовича, как он оценивает опасность такого путешествия. Он сказал:

– Шестьдесят процентов за то, что вы вернетесь.

Я ответил:

– А на сорок процентов я рискую.

На этом и порешили.

Конечно, мы готовились к этой операции очень конспиративно. Но Врангелю я рассказал. И вдруг начали болтать. И болтовня шла от адъютанта Врангеля. Тогда я пошел к Петру Николаевичу и сказал ему:

– Петр Николаевич, я раздумал. Я поеду в Польшу, а не в Советскую Россию. В Польше живет Маша, кормилица моего сына, ее фамилия Бойченко и она вполне оправдывает это имя. Она проберется в Советскую Россию и все разузнает.

В конце концов наступил день моего отъезда [осень 1925 г.– РК.]. Так как все знали, что я уезжаю надолго в Польшу и вернусь нескоро, то по этой ли причине или по какой-то другой, но провожать меня на вокзал явилась почти вся русская колония с Врангелем во главе. А молоденькие сестры Колчины, с которыми мы были близки, улучшив минутку, завели меня за водокачку и надели на меня маленький крестик на шнурочке.

Дело было ясно. Они что-то знали или о чем-то догадывались. Они меня тронули своею заботою и вместе с тем встревожили. Если эти девочки знали, то тогда знали все ...

В Варшаве меня встретил Вацлав Цезаревич Каминьский, которого я извещал. Он был поляк, но женат на русской, на Марии Дмитриевне Билимович, брат которой Александр Дмитриевич был женат на моей сестре Алле Витальевне.

Мне необходимо было изменить свою наружность. Всего лучше было это сделать у Каминьского. Он жил в то время в Ровно и пригласил меня к себе. Ему я раскрыл свои планы. Он очень обеспокоился, но еще в Варшаве побежал куда следует. Я сказал ему:

– Передайте там, что всего выгоднее для меня, чтобы меня посадили временно в польскую тюрьму. Там бы я скрылся бесследно и, заросши бородой, вышел бы неузнаваемым.

Но поляки не согласились на это и успокоили Вацлава Цезаревича, сказав, что им все известно и что они будут содействовать.

И вот мы поехали в Ровно, где радушно встретила нас Мария Дмитриевна. Они меня очень баловали, а Мария Дмитриевна дала мне прочесть книги, которыми она увлекалась. Тут впервые я познакомился с учениями индусских йогов, в частности, с Рамачараки. Довольно хорошо я изучил «Хатка-йогу», то есть учение о здоровье, и стал исполнять предписания. Этому я приписываю свое долголетие.

На страницах книги «Мирозерцание индусских йогов» я прочел примерно нижеследующее: «Высшая добродетель – справедливость». Это было изложено в книге так, что произвело на меня глубокое впечатление. И я решил: путешествуя по стране Советов, то есть марксистов, чье учение для меня было неприемлемо, быть справедливым к тому, что увижу. Я стремился войти в Россию свободным от предвзятых мнений. Мне кажется, что мне это удалось до известной степени.

Я каждый день ходил не меньше десяти километров, тренируясь перед переходом границы.

Наконец, пришло известие, что надо ехать в Варшаву, где у «Треста» был общник. Он был обязан содействовать моему переходу через польско-советскую границу. Не знаю, на какие средства он имел прекрасную квартиру... Я жил у Каминьского в Варшаве, где у него тоже была квартира, однако, часто бывал у трестовца Липского. У него была молодая красивая жена. Оба были светские люди и скрывали свои истинные отношения между собой. Но я подсмотрел, что под внешней вежливостью была глухая вражда. Поэтому я поверил, когда позже мне стали говорить, что она была причиной всех бед «Треста».

Дело было так. Когда Якушева за его ревностный труд по специальности («Внутренние воды России») отправили за границу посмотреть, что там делается в этом плане, какая-то москвичка просила передать своему сыну в Варшаве пись-

мо. Письмо было семейное, невинное. Но явившись к Липскому и передав ему письмо, Якушев стал говорить лишнее о «Тресте». О том, что это подпольная организация, которая борется против советской власти. Это слышали оба супруга.

Затем Липский сообщил своему приятелю Щелгачеву,³⁸ жившему в Риге, о визите человека «оттуда». Щелгачев, бывший офицер, работал у меня в «Азбуке». Он сообщил об этом азбучнику «Око» (полковнику П.Т.Самохвалову), а «Око» – Климовичу. И вот почему Климович приехал в Берлин, через «Око» вызвал меня к Лампе и с добавлением Чебышева мы приняли и выслушали Якушева.

Но когда Якушев вернулся в Москву, его арестовали и предъявили ему факсимиле письма Липского к Щелгачеву. Как оно попало к Дзержинскому? Стали подозревать, в частности, сначала «Око», потом жену Липского, ненавидевшую своего мужа. Она будто это устроила. Тогда я вспомнил эту ненависть, которую подсмотрел, скрываемую за внешней учтивостью.

³⁸ ЩЕЛГАЧЕВ Всеволод Иванович, штабс-капитан. С 1.08.1918 сотрудник организации «Азбука» (обер-офицер для поручений).

Мое пребывание в Советской России в течение полутора месяцев описано в книге «Три столицы». Тут я могу только добавить то, чего нет в ней. По прошествии стольких лет стало кое-что ясным, что было тогда непонятным. Кроме того, можно уточнить некоторые детали.

Я перешел границу в конце 1925 года, накануне Рождества, в районе станции Столпы на Минском направлении. Между прочим, один бывший военный из эмигрантов, прочтя «Три столицы», написал: «Как неосторжен Шульгин. Из его писания совершенно ясно, что он перешел границу в Финляндии».

Перейдя границу, мы ехали глухими лесами на Минск, сделав ночью семьдесят километров. Ехали в объезд, чтобы миновать городок, где сидели чекисты. Теперь представляют дело так, что и это было комедией. Но это не так. Провокация «Треста» была известна только очень малому числу чекистов. И потому объезд этого городка был по существу необходим. Еще менее знали чекисты минские, куда мы, наконец, прибыли.

Побудительной причиной, погнавшей меня в 1925-1926гг. в Россию, было желание найти моего больного сына и вывезти его в эмиграцию. Это хорошо понимал Климович. Однако, провожая меня, он сказал:

– Раз уж вы там будете, проверьте этот «Трест».

Насколько мог, я «Трест» проверил и при его помощи искал сына. В Винницу меня не пустили, сказав, что если он меня узнает, то выйдет скандал. Кого-то послали в Винницу. Он вернулся и рассказал, что мой сын там не обнаружен. Тогда послали второго, более «расторопного». И этот не привез ничего нового. Быть может, Якушев вообще никого не посылал, рассуждая, что сумасшедшего невозможно вывезти за границу. Но может быть и другое. Посылали уже в январе 1926г. А по позднейшим сведениям мой сын умер в конце 1925г. и его там естественно не могли найти.

Перейдя границу в другом месте, но все же в Польшу, я поехал в Варшаву показать Каминьским и затем отправился в Югославию.

Врангель, приняв меня, сказал:

– Удивительно! Вы живы?

– Жив.

Я вкратце ему рассказал о своих приключениях. Он слушал очень внимательно и весело, но все же в «Трест» не поверил и сказал присутствовавшему при нашем разговоре Климовичу:

– Напишите им вежливое письмо от себя. Поблагодарите за Шульгина. Но я остаюсь пока что при особом мнении. Дальше будет видно.

Через много–много лет меня допрашивал полковник–чекист Кин. Он спросил меня, почему с известного времени в эмиграции я бросил политику. Я сказал:

– Потому что меня провели как дурака. Так оскандалившись, я думал, что больше уже не годен для политики.

Кин улыбнулся и сказал:

– И совершенно напрасно. Конечно, позже мы вошли в «Трест» и его ликвидировали путем провокаций. Но когда вы разговаривали с Якушевым, «Трест» был «честная» контора. И потом, организация очень сильная и смелая. По-видимому, Якушев был связан не только с поляками, но и с англичанами, точнее, с «Интеллидженс сервис».

Кроме того, уже став провокатором, Якушев сохранил свои прежние симпатии! Это я чувствовал во все время своего пребывания в Советском Союзе. И в особенности перед отъездом. Якушев предложил мне, вернувшись в эмиграцию, описать мои приключения в Советском Союзе. Я сначала ответил решительным отказом:

– Я там буду на свободе писать правду, потому что неправду не имеет смысла писать, а вас тут по моим писаниям перехватывают.

Он был очень огорчен моим отказом. Тогда я сказал:

– А нельзя ли устроить так? Я буду писать свою книгу и частями пересылать вам для просмотра. Все, что вы найдете опасным, вычеркивайте красными чернилами и пересылайте обратно. Вашей цензуре я всецело подчиняюсь.

Он подумал и ответил:

– Это сделать можно.

И это было сделано. Все, что появилось в эмиграции под заглавием «Три столы», было просмотрено Якушевым. Красными чернилами была вычеркнута одна строка, совершенно неважная.

Но позже я узнал, что Якушев не был настоящим цензором. Настоящим цензором был Феликс Дзержинский. Когда я был в России, я этого не знал. Я не знал, что Якушев уже был связан с чекистами. Об этом мы все узнали несколько позже. Но что он лично был в руках главного чекиста, я узнал с достоверностью из книги Льва Никулина «Мертвая зыбь», изданной в 1966 году. Из этой книги явствует, что Якушев подал Дзержинскому четыре тысячи рапортов.

Но почему Дзержинский пропустил текст «Трех столиц», где, между прочим, были резкие выпады против Ленина? Ведь Дзержинскому стоило взять красное перо и эти страницы не были бы напечатаны. Я же получил от Якушева только одно письмо, в котором он говорил: «Поменьше идеологии». Это письмо запоздало, «Три столицы» уже были набраны и притом совершенно неизвестно было, к чему эта фраза относится. Идеология была всюду.

Но почему же Дзержинский не только меня выпустил из Советской России, хотя мог задержать, но тщательно сберег текст «Трех столиц»? Потому что этот текст с точки зрения Дзержинского был выгоден. Если оставить в стороне все вопросы о провокации, то останется одно: «Три столицы» были оправданием осуждаемого многими коммунистами ленинского НЭП'а. И этому есть убедительное доказательство.

Книга «Три столицы» была переведена на французский язык и издана в Париже. Но заглавие было изменено, потому что «три столицы» по-французски не звучит. Как же его заменить? «Возрождение России». Итак, Шульгин, в общем враждебный советам, утверждает, что Россия возрождается и притом благодаря НЭП'у, последнему деянию покойного Ленина. Внушить это Европе представлялось важным. Вот почему Дзержинский воздержался от красных чернил ...

Франция

... Я решил ехать во Францию, куда меня звал Маклаков.³⁹ Но чтобы уехать во Францию, надобна была помощь бывшего Клименко. Тогда из Германии выпускали только тех, кто заплатил все налоги. Опять же эти налоги становились невозможными. Клименко помог сократить их до разумных пределов и я получил желтую бумажку, то есть разрешение на выезд.

Но тут возникали еще и другие затруднения. Западная часть Германии была тогда оккупирована французами. Переход был около Франкфурга-на-Майне. Я поселился там и жил довольно долго в области, еще занятой французами. Забыл название этого городка. Кругом были прекрасные дубовые леса, а в городе – минеральные ключи, и я с наслаждением принимал ванны. Там я тоже что-то писал на отвратительной пишущей машинке, которую купил по дешевке в Берлине за шестнадцать долларов. У нее скоро стали отваливаться буквы с рычажков. Я привязывал их нитками, они опять срывались. Чистое мучение. Впоследствии, уже в Париже, я оставил ее у Маклакова, в русском посольстве, где ее и украли. Макла-

³⁹ МАКЛАКОВ Василий Алексеевич (1870–1957), адвокат, один из лидеров партии конституционных демократов («кадетов»), член Государственной Думы. В 1917 был назначен Временным Правительством послом во Францию, осуществлял свою деятельность до признания Францией Советского Союза (1924).

ков написал мне письмо, предлагая заплатить. Я ответил отказом и приписал: «Я нежно благодарен Вам и вору за то, что Вы избавили меня от этой дряни».

Я купил билет третьего класса в Париж за пол миллиона немецких марок, что составляло всего лишь несколько долларов. Но предстояло еще пройти французскую зону. Через зональную границу поезда не ходили. Поперек шоссе стоял столик, за ним – французский офицер. Я объяснил ему, что я русский эмигрант, что меня пригласил «Малаков» (фамилию Маклакова французы перепеделали на знакомый им Малахов курган в Севастополе), посол бывшей России в Париже. Он пропустил меня.

Далее никаких затруднений не было. Из французской зоны поезд прямо доставил меня во Францию, в Париж.

И вот я в Париже. Такси. Я сказал шоферу:

– Six rue Grenelle.

Шофер мне ответил по-русски:

– К Маклакову, значит.

Маклаков принял меня в высшей степени радушно, также как и его сестра Мария Алексеевна. Она была чрезвычайно энергичная женщина. Содержала русскую гимназию в Париже не на средства посольства, а на суммы, собираемые благотворительными спектаклями. В качестве жены посла (так о ней думали) ее принимали всюду, она развозила лично билеты и выцыганивала деньги.

Василий Алексеевич Маклаков осенью 1917 года, перед «Великим Октябрем», был назначен Временным Правительством послом в Париж. Одновременно Стахович⁴⁰ был назначен послом в Испанию. Что касается Маклакова, то нельзя было сделать лучшего выбора. Он владел французским языком как своим родным русским. И это даже странно. Обыкновенно так владели французским языком аристократы. А Василий Алексеевич от слова «маклак», сам говорил о себе: «Я шантрапа».

Кроме того, он был тонко умен, веселый, очень обаятельный, остроумный и блистательный собеседник. А главное – прекрасный оратор. В Государственной Думе его называли Златоустом и Сиреной. Когда он говорил, то если человек со-

⁴⁰ СТАХОВИЧ, русский дипломат, в сентябре 1917 был назначен Временным Правительством послом в Испанию, однако, прибыл на место после прихода к власти большевиков, не успел вручить верительные грамоты испанскому правительству и не был им признан официальным представителем России.

вершенно был с ним не согласен, ему уже хотелось согласиться с Василием Алексеевичем. В этом отношении он был полная противоположность Маркову 2-му. Когда говорил последний, иногда даже мне не хотелось с ним согласиться. Но иногда он все же говорил умные вещи. Однажды, выступая с думской трибуны, Марков 2-й сказал:

– Вы, Василий Алексеевич Маклаков, думаете, что Российский поезд, который мчится на всех парах, остановится на станции Конституция. Но вы ошибаетесь, дорогой Василий Алексеевич. Поезд проскочит станцию Конституция, он домчится до станции Революция. И там разобьется о тупик.

На этот раз я не мог с ним не согласиться.

Маклаков кончил два факультета, кажется, юридический и филологический. Но это было неважно. Его эрудиция была шире. В Государственной Думе он был в партии К.–Д., причем, на правом фланге ее фракции. Милюков же на ее левом фланге. Между ними происходила всегда борьба.

Маклаков был умнее, но Милюков прилежнее и упрямее. И именно он руководил кадетами в Думе. Если развернуть буквы К.–Д., то это значит «Конституционно-демократическая партия», «кадеты». Маклаков был искренно за конституцию. Милюков старался опираться на демократию. Но на какую демократию? Все же в пределах закона. Милюков не был революционером, но очень часто им помогал, не понимая того, что он делает. Кончилось тем, что когда Император отрекся, а его брат Михаил Александрович колебался, принять ли ему престол, Милюков умолял его принять. Он говорил:

– Монархия есть ось России. Если не станет монархии, не будет России.

С великим опозданием он это понял.

Но я говорю о Маклакове. Он был человек общительный и охотно беседовал с членами других партий. Он всегда был за смягчение политических нравов, за терпимость. Мне помнится нечто, что может быть никто больше не знает, так как Маклаков умер.

Бывало в Думе то, что называлось «большие дни», а бывали и «вздорные дни». Этот день, о котором я вспоминаю, был именно такой. Скандалил Пуришкевич,⁴¹ грубиянил Марков 2-й. Это справа. Слева сипло хрипел Булат⁴² и другие.

⁴¹ ПУРИШКЕВИЧ Владимир Митрофанович (1870–1920), основатель и один из лидеров крайне правых организаций «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела», член Государственной Думы. Участник убийства Григория Распутина.

Я вышел из зала заседаний – мне было противно. Я ходил по Екатерининскому залу, где не было никого. Балаган привлекает людей и даже увлекает некоторых.

В это время из зала заседаний вышел Маклаков и, войдя в Екатерининский зал, ругнулся:

Кабак!

Потом, увидев меня, подошел и сказал:

– Знаете ли вы средство, чтобы прекратить этот цирк, облагородить, поднять нас и объединить?

Я ответил:

– Нет, не знаю.

После этого мы оба ходили по залу молча. Наконец, он остановился и, убедившись, что никого больше нет, сказал:

– А я знаю.

И, сделав еще паузу, произнес совершенно тихо:

– Война с Германией.

В это время скандал в зале заседаний кончился, потому что наступил перерыв. Депутаты заполнили Екатерининский зал, иные курили, многие разговаривали, третьих обступили корреспонденты. Словом, обычная жизнь «кулуаров». Между колонн собралась кучка депутатов около Марков 2-го. Он, возвышаясь над головами, о чем-то ораторствовал. Мы с Маклаковым подошли и прислушались. Марков говорил о масонах. Он разоблачал их проделки, правильно или нет, не знаю, и называл некоторых масонов по именам. Затем сделал паузу. Маклаков, воспользовавшись ею, сказал:

– Этак вы, Николай Евгеньевич, и меня причислите к масонам.

Марков немедленно ответил, правда, спокойно на этот раз и очень вежливо:

– Да, Василий Алексеевич. Вы масон.

И после паузы добавил:

– И очень высокой степени.

Маклаков рассмеялся, как бы доказывая, что это утверждение достойно смеха, но ничего не возразил.

Я не обратил внимания на то, что Марков сказал Маклакову. И даже позже написал где-то: «Мне до сих пор не удалось ухватить даже кончика хвоста какого-нибудь масона». Потом я ухватил, но не только за кончик хвоста, а, пожалуй, даже за ошейник.

В описываемые дни на меня произвело большое впечатление, что Маклаков, умный и миролюбивый, желает войны. Это совсем не сходилось с моими мыслями. Я очень ценил длительный мир России с Германией. Кроме того, я ценил то, чем некоторые возмущались – роль немцев в России. Этому меня научил 1905

⁴² БУЛАТ Андрей Андреевич (1873–1941), депутат Государственной Думы, председатель левой фракции Трудовой группы. С 1918 в Литве, в 1940-1941 член правительства советской Литвы. Расстрелян немцами.

год. Все немцы стояли за порядок и тогда сложилась удивительная поговорка: «Последние русские – немцы».

Проиграв войну с Японией и в борьбе со всякими разрушительными элементами, многочисленными примерами безумия, русская власть очень ослабла. Помню один пример. Петербургское Телеграфное Агентство прислало одновременно две телеграммы. Первая: «На Кавказе восстали и отделились Озургеты».⁴³ Они отделились от России, население которой составляло в 1905 году более 130 миллионов человек. Вторая телеграмма была еще удивительнее: «Младшие танцовщицы императорских театров в Санкт-Петербурге объявили забастовку, предъявив политические и экономические требования».

В это время Вильгельм II мог свободно напасть на Россию. Он этого не сделал и никогда этого не забывал. И чувства его по отношению к России, так сказать, раздражились, когда никакого знака благодарности ему не было выражено.

Правда, когда Вильгельм II прибыл в русские воды, то на русском корабле состоялся обмен мыслями между Вилли и Ники. Императоры были на «ты». В результате Россия аннулировала свои договоры с Англией и Францией и заключила договор с Германией. Германский Император отбыл на своем корабле и прислал по радио телеграмму: «Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана». Русский Император ответил: «Счастливого пути».

Но прошло короткое время и русский Император отменил соглашение с Германией и возобновил союз с Францией и Англией. Можно себе представить чувства Вильгельма II, человека крайне несдержанного.

При всех этих условиях мысль желать войны с Германией казалась мне безумием. Но когда война разразилась, Россия, ничего не понявшая, преобразилась. «Кабак» прекратился. Мы поднялись, облагородились и объединились.

В Зимнем дворце толпа депутатов, в том числе и кадеты, окружила Царя вплотную и кричала:

– Веди нас, Государь!

Маклаков оказался пророком.

Но я, увы, тогда не загорелся всеобщим энтузиазмом. Я остался холоден и печален. И вместо того, чтобы писать барабанные статьи в «Киевлянин», я поехал на фронт и поступил в 166-й пехотный Ровненский полк. На следующий день был

⁴³ Озургеты – уездный город Кутаиской губ., население 4964 чел. (1897 г.), в Озургетском уезде 92212 чел. – РК.

ранен, два месяца лечился, затем по приказанию генерала Радко–Дмитриева⁴⁴ был прикомандирован к ЮЗОЗО (Юго-Западному объединению земских организаций)⁴⁵, где и работал девять месяцев, пока не была созвана Государственная Дума.

И я убедился, что война с Германией, как предвидел Маклаков, оказалась допингом для России, но на короткий срок. Через год энтузиазм спал – война оказалась крайне тяжелой. Ее необходимо было кончать победоносно, что было очень трудно, и во весь рост встал вопрос: зачем масоны хотели войны?

Тем с большим интересом я принял приглашение Маклакова погостить у него в посольстве, то есть рассмотреть вблизи масона высшей степени.

Маклаков, или как его здесь называли французы Малаков, в Париже и Маклаков в Санкт-Петербурге. Совсем разные люди. «Что город, то норы, что деревня, то обычай». Видел я Маклакова и в деревне после августовского совещания в 1917 году, на котором он сказал, говорят, превосходную речь, но я ее проспал. Мне нужно было уснуть непременно, потому что после него была моя очередь говорить. Выступали подряд Родзянко, Маклаков и я. Об этом писал в газете Алексей Николаевич Толстой примерно так: три мастера слова, выразительные речи и еще более выразительная недоконченность жестов, изящество. И еще что-то в этом роде.

Маклаков был сыном врача. Должно быть, его отец приобрел имение. Небольшое, в 25-ти верстах от Москвы. Я поехал в это имение по приглашению Василия Алексеевича. Двухэтажный деревянный дом среди старых елей. Конечно, это не было «дворянское гнездо», но разве только у дворян бывают гнезда? Гнезд не имеет только кукушка. Но Мария Алексеевна, которую я тогда впервые увидел, не была кукушкой. Наоборот, она была его семья. У них был брат.⁴⁶ Но он был министром внутренних дел и совершенно разошелся в политических взглядах с Василием Алексеевичем.

О внутреннем убранстве маклаковского дома нечего писать. Потертый кожаный диван, самовар. И все же Маклаков тут произвел на меня такое впечатление,

⁴⁴ РАДКО-ДМИТРИЕВ Радко Дмитриевич (1859–1918), болгарин, перешедший на русскую службу, генерал от инфантерии (1914), участник 1-й мировой войны (командовал армией). Убит большевиками в Пятигорске.

⁴⁵ Земские организации являлись выборными органами местного самоуправления, ведавшими здравоохранением, просвещением, строительством дорог; в данном случае, во время войны, земские организации при Юго-Западном фронте (ЮЗОЗО) занимались организацией санитарного дела.

что он хотел бы стать настоящим помещиком. Ему будет тяжело расстаться с этим домом. Впрочем, у него остается Мария Алексеевна, которая сделает ему другое гнездо в Париже.

Но почему же Маклаков пригласил тогда меня одного в деревню? И почему я приехал? Двадцать пять верст туда, столько же обратно. На извозчике шесть часов пути. Сейчас за это время я долетел бы уже до середины Атлантического океана. Это значит, что какое-то сближение у меня с Маклаковым произошло. Но как оно могло произойти? Он хотел войны с Германией, а я ее считал гибельной. Но за это время Маклаков кое-чему научился.

Я иногда думаю, что если бы сейчас же после Столыпина назначили бы премьер-министром Василия Алексеевича, то могло ли это помочь? Нет, этого не могло быть. Но если бы все-таки было? Опять нет.

Настоящий правитель должен соединять в своем лице трех человек: первого, кто говорит, второго, кто действует, третьего, кто думает. На первую роль лучше Маклакова нельзя было найти. Ведь он «златоуст», «сирена». На вторую роль он был бы плох – у него не было властности. А думать? Думать он мог. Он задумал войну с Германией и ее накликать. И притом именно так, как он этого хотел, то есть эта война вызвала подъем России. Но эта дума была накоротке. Через год подъем кончился, и тогда Маклаков кое-что понял.⁴⁷

Когда во время Первой мировой войны французские министры приехали в Петербург, то кроме деловых и совершенно секретных переговоров был устроен публичный банкет, на котором присутствовало 800 человек. Весь Государственный Совет, вся Государственная Дума (за малым исключением), послы иностранных держав, русское правительство. Были официальные скучные тосты. Потом Шаляпин под два рояля пел «Марсельезу». Я знал от Маклакова, который был близок к Шаляпину, что он совсем не знает французского языка. И все же он пел французам по-французски как француз. Быть может, его основательно научил Маклаков. Но чтобы так усвоить в короткое время незнакомую речь, для этого надо было иметь способности Шаляпина.

⁴⁶ МАКЛАКОВ Николай Алексеевич (1871–1918), русский государственный деятель и крайне правый политик. Министр Внутренних Дел (1913–1915), член Государственного Совета (1915). Расстрелян большевиками

⁴⁷ Эти рассуждения Шульгина поразительно похожи на те теории, которые после распада Советского Союза развивали его противники-коммунисты. И в том, и в другом случае крушение российских имперских структур (в 1917 и в 1991 г.) пытаются объяснить в первую очередь не долговременными историческими процессами, но деятельностью неких «заговорщиков». Позиции «белых» и «красных», на протяжении поколений боровшихся друг с другом, таким образом сходятся – как то и предсказывал сам Шульгин уже в начале двадцатых

Когда он кончил, сидевший со мною рядом французский полковник (министры привезли с собою целую свиту специалистов) сказал:

– Только сейчас я понял, что такое наша «Марсельеза».

Что касается ораторов, то было решено, что говорить будет только один Маклаков. Его выбрали потому, что он был «златоуст», а еще более потому, что он говорил по-французски также свободно, как по-русски. И в-третьих, потому, что он имел что сказать. Надо принять во внимание, что энтузиазм пропал и барабанных речей не надо было.

Речь Маклакова не была длинной. Но все же длиннее, чем я ее помню. Я запомнил только самую суть. Примерно так:

– В начале войны во Франции был убит видный деятель Жорес, который высказался против войны. Он был искренний антимилитарист и погиб за свои убеждения. И все же я рискую повторить здесь, что я тоже антимилитарист. Но вместе с тем я за войну. Как же это возможно совместить? Возможно. Я за эту войну, потому что я верю, что эта война последняя, что мы воюем с войной и ни с чем другим. Мы воюем с Германией, а Германия есть очаг милитаризма во всем мире. И потому я могу быть за войну, не отрекаясь от своих самых светлых убеждений.

Речь эта имела громадный успех. Это был новый подъем, потому что тяжелой войне, цель которой начинала ускользать, было поставлено иное назначение, еще никогда не бывалое.

Маклаков сказал эту речь с удивительным воодушевлением. Так он никогда не говорил в Государственной Думе. Для «златоуста» это была лебединая песня, последняя.

И я много понял в Маклакове. Давно ли он говорил мне, хотя бы с глазу на глаз, о войне с Германией, как единственном средстве прекратить «кабак». Теперь он говорит, что с Германией не воюет, и впервые тогда я подумал, что если он масон, то масон самой высокой степени.

Что это значит, «масон самой высокой степени»? Это значит, что он с немногими другими руководит масонами. Познав Маклакова, можно узнать, что такое современное масонство.

В Париже, где я прожил у него в посольстве целый месяц, он никогда не сказал мне, что он масон. А я, конечно, его не спрашивал. Если бы я спросил, он усомнился бы в моей способности понимать некоторые вещи. Но он много говорил мне о масонстве. И рисовал мне современных масонов в следующем освещении.

годов в своей книге «Дни» (см. В.В. Шульгин: Дни, 1920. Москва 1989, стр. 526-529). - Прим. ред.

Масонство в настоящее время есть не более, но и не менее, как широкий союз взаимопомощи. Все масоны считаются братьями. Когда они собираются на своих собраниях, то говорят друг другу «ты». При такой постановке дела маленький масон, занимающий скромную должность, может обратиться на «ты» к своему «брату», могущественному министру, с просьбой дать ему должность повыше.

Идея взаимной помощи не ограничивается каким-нибудь скромным предложением. Масоны мыслят и в международных масштабах. Здесь дело значительно сложнее. Масонам не разрешается быть патриотами своей родины – по принадлежности. Во время войн они не могут идти на войну и воодушевлять массы. Но они всегда помнят, что всякая война должна кончиться миром. Вот при заключении мира масоны, в противовес немасонам, прекращают вражду к другим нациям, державам. И это понятно. Ведь если есть французские масоны, то есть и немецкие. По масонству они братья. И они стараются, чтобы условия мира были более мягкими.

Как известно, после Первой мировой войны состоялся Версальский мир. Скверный мир, который повлек за собой Вторую мировую войну. Были печатные труды, где Версальский мир осуждался резко. Весьма возможно, что эти произведения принадлежали масонам.

Масоны свободны в своих религиозных чувствах, продолжал Маклаков. Но что масонам запрещено – они не могут быть клерикалами. Они не поддерживают ни одну из официальных религий, считая, что все официальные религии пошли неверным путем, в том числе и христианская религия...

Должен сказать, что в этом отношении воззрения масонов, если они таковы, как изображал Маклаков, мне очень близки.

Все официальные религии нетерпимы, все считают, что единственно они правильно понимают Бога и присваивают его себе. В этом отношении характерен Вильгельм II, который любил повторять: «Наш немецкий Бог». Ну, и православие тоже считает себя единственно правильным и само слово «православие» есть самохвальство.

Быть может, самое интересное в Маклакове было его отношение к евреям. Он никогда не выступал ни в речах, ни в статьях, ни в своих мемуарах против евреев. Но я узнал его истинный образ мыслей вот каким образом.

Парижские русские евреи затеяли однодневный митинг по вопросу о том, что антисемитам в них, евреях, не нравится. Я жил на юге, но получил приглашение

участвовать в этом митинге и даже предложение оплатить расходы по моей поездке.

Я не поехал на митинг, считая нелепым сложнейший и труднейший еврейский вопрос решить в течение одного дня. Ничего от этого митинга и не осталось. Осталась только моя книга в триста страниц, которую я озаглавил «Что нам в них не нравится». Она вышла во Франции примерно через год после митинга.

Не помню как, но на этом митинге, вероятно, говорилось о «честных» антисемитах. Персонально, видимо, никто не был назван. Я принял это на свой счет и думал, что это вполне обосновано. Я был антисемитом, когда русское еврейство почти всем своим весом набросилось на русское правительство в 1905 году. И позже, когда русские евреи поддержали революцию 1917 года и Ленина. Но при всем том, когда невинного Бейлиса посадили на скамью подсудимых и правительство сделало все, чтобы склонить присяжных на свою сторону, я заступился за русское правосудие, а вместе с тем и за Бейлиса. Это дело я выиграл, то есть не я в прямом смысле, а все те, кто способствовал оправданию Бейлиса. Это была победа справедливости. Но так как в процессе этой борьбы за правду я написал крайне резкую статью против прокурора палаты Чаплинского, то меня привлекли к ответственности за «распространение заведомо ложных сведений о высших должностных лицах». Другими словами, попав в ложное положение оправданием Бейлиса, хотели отыграться на мне.

Судил меня не суд присяжных, а коронный суд. Коронный суд вел себя просто недостойно. У меня были свидетели, которые уличили бы Чаплинского так, что ему пришлось бы капитулировать. Но суд отказался вызвать этих свидетелей. А между тем, главный из них, Фесенко, сидел тут же на трибуне, рядом с судьями. И его не допросили. Поэтому они присудили меня к трем месяцам тюрьмы. Срок пустячный, но посадить члена Государственной Думы нельзя без согласия Думы. Пока что дело пошло по инстанциям, а тут началась война. Я пошел воевать добровольцем, потом был в Красном Кресте. День в день в годовщину моего осуждения ко мне явился полковник военного судебного ведомства.

– По закону все дела о лицах, поступивших в армию, передаются нам, – сообщил он мне. – Потрудитесь прочесть.

Я прочел. По докладу министра юстиции по делу о Шульгине Василии Витальевиче, осужденном киевским окружным судом на три месяца заключения, Государем Императором благоугодно было собственною рукою начертать: «Почитать дело небывшим. Николай».

В объяснение сего могу сказать, что по русским законам Государь Император являлся верховным судьей. Все обвинительные приговоры начинались словами: «По указу Его Императорского Величества...». Поэтому царь мог отменить любой приговор, убедившись в его неправильности. Здесь это было высказано в особой форме отрицания самого дела. Его не было.

Так вот, по этой причине я считал, что честный антисемит это я. Но Маклаков сказал мне: – Нет, вы все же не раз выступали против евреев. Я же никогда публично не выступал. Но все же я антисемит, «честный антисемит» относится ко мне. При моей жизни об этом не говорите. Когда я умру, можете сказать.

Я шел по узкой rue Grenell, где никого не было, и столкнулся с генералом Миллером, который что-то делал у генерала Кутепова. Я сказал:

– Здравия желаю. Не могу ли я поговорить с вами?

Он ответил холодно:

– Но о чем же, позвольте спросить, вы будете меня интервьюировать?

Я рассмеялся:

– Вы меня не узнали?

Генерал (он был в штатском) присмотрелся ко мне внимательнее и сказал:

– Пожалуйста, простите. Я вас не узнал, потому что вы сказочно помолодели.

– Мне от вас ничего не нужно. Но может быть я могу быть вам чем-либо полезен?

Он задумался и проронил:

– Можете.

Затем, помолчав, продолжал:

– Тут мы субсидируем одну русскую газетку. Она хорошо писала о генерале Врангеле, но, вдруг, резко изменила курс. Не можете ли вы узнать, что же такое случилось? Что такого сделал Врангель недавно, что они перестали его поддерживать?

Я ответил:

– Слушаюсь. Я этим займусь.

Моя покойная жена Мария Дмитриевна говорила: «Когда Господь Бог помогает, то дело делается стремительно». Так оно и было. На следующее утро я пошел в русскую церковь. Она размещалась на холмике и к ней поднималась довольно высокая каменная лестница. С паперти церкви было кое-что видно. Эта церковь называлась «русская церковь на rue Daug». Храм был небольшой, но изящный. Русские парижане обыкновенно там встречались.

Служба окончилась и все ушли. Я остался на паперти, любуясь этим уголком Парижа. Кроме меня вокруг вроде бы никого не было. Но вдруг на другом конце паперти я увидел человека, который, как мне показалось, пристально на меня смотрит, не двигаясь с места. Тогда я подошел к нему. Подойдя совсем близко, я увидел, что у него на глазах слезы. И тогда я его узнал. Это был именно тот человек, который в данную минуту был мне нужен. Я сказал:

– Здравствуйте, Александр Иванович. Чем вы так огорчены?

– Я могу вас спросить, за что вы меня так обидели?

– Я вас обидел?! Я написал вам письмо, что не могу больше у вас работать. Вы отлично знаете почему. Без всякой причины вы переменили курс и стали бранить Врангеля.

– Это я могу понять. Но вы написали мне «милостивый государь Александр Иванович». Так пишут, когда вызывают на дуэль.

– Я не вызывал и не вызываю вас на дуэль. Но продолжая оперу – «не потрудитесь ли объяснить мне ваши поступки?»

– Конечно, непременно. Но не здесь. Можете ли вы прийти завтра в кафе «Опера», ну, скажем, к двенадцати часам.

– Приду.

Я пришел раньше их. Должен был прийти еще один руководитель этой газеты, названия которой, к сожалению, не помню. Поэтому я мог рассмотреть достопримечательности этого кафе. За оградой стоял обыкновенный мраморный столик, за которым когда-то сидел Наполеон, когда он еще не был императором.

Потом они пришли. И каждый, один догоняя другого, начали говорить примерно следующее: некоторое время тому назад к ним в редакцию ворвался Марков.

Я спросил, какой Марков.

– Николай Евгеньевич, Марков второй, – ответили они.

И он стал кричать на них:

– Что вы делаете! Великий Князь Николай Николаевич крайне недоволен генералом Врангелем, а вы его хвалите. Я только что был у Великого Князя...

Могло ли это быть? Что общего у Великого Князя с Марковым 2-м? Я ничего не сказал тогда, но подумал: «Есть общее. Марков, не знаю по какой причине, не примкнул к белым, то есть не принимал участия в Гражданской войне. Великий Князь Николай Николаевич – тоже, хотя он жил в Крыму и генерал Деникин предложил ему возглавить Добровольческую армию. Это я знал точно. Деникин просил меня доставить его письмо. Я послал «Принцессу».⁴⁸ Она была в «Азбуке» и названа так из-за своей внешности. Она подходила для такого поручения и удачно его исполнила. Передала письмо супруге Великого Князя, а потом виделась и с ним. И он уполномочил ее передать, что благодарит за честь, но возглавить Белое движение не считает возможным.

⁴⁸ На мой вопрос, кто была «Принцесса», В.В. ответил: «Фамилии ее не помню, так ее назвал бывший член Государственной Думы Степанов, который любовался ею; потом она вышла замуж за «Како», фамилия его на «К», но тоже забыл». – РК.

Александр Иванович Филиппов и его друг продолжали:

– Мы испугались и написали что-то против Врангеля, а потом перестали вообще о нем писать. Но мы очень сожалели. Миллер перестал нас субсидировать, и мы не знаем, как поступить.

Я объяснил им, как, по-моему, следует поступить. Через день в газетке появилась передовая статья, которая начиналась, если память мне не изменяет, так: «Мы всегда говорили, что генерал Врангель...» и дальше шло в том же тоне, как и прежде, как они действительно всегда говорили. Мой расчет был построен на том, что читатель будет сбит с толку и подумает, что он что-то пропустил, а теперь все в порядке. Так оно, в общем, и вышло. Когда я пришел к генералу Миллеру, он как раз читал газетку и спросил меня:

– Как вам это удалось?

Я ответил:

– Секрет ремесла, ваше превосходительство. Надеюсь, вы возобновите им субсидии?

– Да, конечно.

Я много раздумывал, да и теперь еще раздумываю, вспоминая минувшие дни, что таилось под этим посещением Марковым Великого Князя?

Несомненно, что Марков обвинял генерала Врангеля в бонапартизме, в том, что он не прочь занять престол. Это была канва, по которой можно было вышить разные узоры. А что было правда, это мой разговор с Петром Николаевичем Врангелем. Он сказал мне:

– Я знаю их всех. Романовы ушли, потому что Романовы выдохлись. У них не было вкуса к власти. Были они слабовольны. Думают, что Великий Князь Николай Николаевич обладает сильной волей. Это неверно. Он мог быть грубым, мог ударить хлыстом по зубам трубача, стоявшего рядом с ним, когда тот подал неверный сигнал. Он мог повесить Мясоедова, хотя этого, может быть, и не надо было делать...

– Вот тогда надо было проявлять волю, – продолжал Петр Николаевич, – когда Великий Князь Николай Николаевич двигался с Кавказа в Ставку, чтобы принять Верховное Командование. А когда его перехватили по дороге два министра и сказали ему, что Романов не может стоять у власти при настоящих обстоятельствах, он спасовал.

Я спросил:

– А что же надо было ему делать?

– Что делать? Послать их к черту. Приехать в Ставку и опереться на кавалерию. Кавалерия тогда еще совсем не была развращена. Конечно, это был риск. Но для этого надо было иметь волю. А он? Он Николай III.

Эти слова я слышал собственными ушами. Но может быть Врангель говорил их и другим? И может быть эти колючие слова дошли и до Великого Князя? Весьма возможно, что Николай Николаевич охотно слушал разглагольствования Маркова о бонапартизме Врангеля. Ответ, когда-то привезенный «Принцессой», тоже не свидетельствовал о его сильной воле.

Югославия

Через некоторое время, в конце августа или в начале сентября [1927 г. – РК] мы перебрались в Югославию. Мне припоминается, что мы ехали через Вену, где сели на пароход и поплыли вниз по течению Дуная.

Плывя по Дунаю, я осмысливал это путешествие. Мы ехали с тем, чтобы оформить наши отношения, обвенчавшись в Югославии. Развод мне дал с согласия Екатерины Григорьевны митрополит Евлогий⁴⁹ в Париже. Она захотела только остаться Шульгиной, что и было исполнено ...

А брак совершился в городке Новый Сад. Этот городок находится ниже по Дунаю, против крепости, откуда некогда бежал во время войны генерал Корнилов. Церковь в Новом Саду была русская. Поручителями были брат Марии Дмитриевны Владимир Дмитриевич, полковник Петр Титович Самохвалов, Николай Дыховичный и кто-то еще. Дружкой была Зина, которая потом вышла замуж за брата Марии Дмитриевны.

После венчания мы поселились в городке Сремски Карловцы.

В Сремских Карловцах жил Петр Николаевич Врангель и кое-кто из его штаба. За время пребывания в этом городке мы ближе сошлись с Петром Николаевичем и его женою Ольгой Михайловной, урожденной Иваненко.

У Врангеля была характерная внешность. В профиль – хищная птица, а в фас – длинный прямоугольник. Челюсти и виски – на одной линии. Это свидетельствовало о его большой воле. Глаза, если не ошибаюсь, были стального цвета, а взгляд очень тяжелый. Он давил на собеседника. Бывало, что мы с ним о чем-нибудь спорили. Рот выговаривал логические мысли, но глаза безо всякой логики

⁴⁹ ЕВЛОГИЙ (Георгиевский Василий Семенович) (1866–1946), митрополит Русской зарубежной церкви.

приказывали согласиться. Я трудно поддаюсь гипнозу, но я его чувствовал. При всем при том это ничуть не сказывалось на наших отношениях.

С Петром Николаевичем Врангелем мы часто гуляли вдвоем. Он был очень высокого роста и шагал так, что я едва за ним поспевал. Во время прогулок мы беседовали и кое-что из его рассказов я запомнил.

– Есть только два интересных занятия, – говаривал он. – Война и охота.

– А политика? – спрашивал я.

– Раньше я не имел никакого отношения к политике, но в Крыму мне пришлось этим заняться. Что ж, это тоже интересно – нечто вроде войны.

Он был военным с головы до ног.

– Род у нас такой, Врангелевский. В нашем роду было пять фельдмаршалов и три адмирала. Однако, мы военные через поколение. Вот, мой отец, например, не был военным. Он писал какие-то записки. А вообще он был совершенно старых воззрений. У него еще были дворовые. Однажды, когда кто-то сказал о каком-то Ваньке или Петьке, что он любит свою жену, мой отец удивленно спросил: «Да разве они могут любить?». Хотя он был человек вовсе незлой и нечерствый.

Врангель был по образованию инженер. Он поступил в гвардию вольноопределяющимся. Воевал в японскую войну в кавалерии, но в казачьем полку и был почетным казаком.

Во время Гражданской войны он командовал так называемой Кавказской армией, которая в основном состояла из казаков. Когда я был в то время у него в Царицыне, я спросил:

– Известно, что казаки храбры, но также известно, что они грабят. Это в их природе. А у вас они не грабили. Как вы этого достигли?

– Надо знать основы военного дела. Надо понимать, что отдавать приказание следует с осторожностью. Если офицер приказал, а приказание его не исполнено, то это уже не офицер. Я знал, что казаки грабят. Но я выжидал минуты, когда я прикажу им не грабить и они исполнят это приказание. И такая минута однажды наступила. Надо еще вам знать следующее: если достигнута победа, настоящая победа, и она получилась в результате приказания какого-то начальника, то в первую минуту после этой победы он Царь и Бог, все, что он прикажет, будет исполнено. Вот была такая минута, когда благодаря моим личным приказаниям, ставшим известным казакам, победа была одержана. И тут мне докладывают, что казаки грабят. Я вскочил на коня и сколько конь мог выдержать, помчался, чтобы лично в этом убедиться. Прискакал. Грабят. Через десять минут было повешено восемь человек казаками же. Я был Царь и Бог и мое приказание исполнили. И с тех пор они перестали грабить. Меня они полюбили, а я грабежа не допускал.